

Дипломатия Екатерины II и война за баварское наследство

М.Е. Лупанова

Царствование Екатерины II занимает особое место в истории русской дипломатии. Впервые после эпохи Петра I выдающиеся победы русской армии были подкреплены не менее блестящими успехами дипломатов. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., определивший на десятилетия программу русской внешней политики на черноморско-балканском направлении, эффективная посредническая роль России в ходе Тешенского конгресса 1779 г., провозглашение в 1780 г. принципа вооруженного морского нейтралитета, ставшего серьезным вкладом России в укрепление правовой основы международных отношений, присоединение Крыма и Северного Причерноморья, подписание Георгиевского трактата с Восточной Грузией в 1783 г., включение в состав Российского государства Литвы, воссоединение с ним Белоруссии и Правобережной Украины — это далеко не полный перечень свершений екатерининской эпохи.

Ориентированность на государственный интерес органично сочеталась во внешнеполитической деятельности Екатерины II с дипломатической практикой эпохи позднего абсолютизма с ее стремлением к «округлению границ», ослаблению соседей. «Округляя границы», проводя многовекторную территориальную экспансию, Екатерина строила империю, руководствуясь политическими и нравственными понятиями своего времени.

В ходе проходивших в предельно сложные для Екатерины первые месяцы царствования (июль—август 1762 г.) совещаний по внешнеполитическим вопросам императрица сформулировала восемь «пунктов, о которых желала слушать рассуждения». В них она просила высказать мнения о том, «что мне надлежит делать в теперешних конъюнктурах, клонящихся во всей Европе к миру», в частности, «надлежит ли нашим войскам в Россию повернуться по теперешним обстоятельствам», «имели ли мы причины, дав слово о содержании мира с королем прусским, оной мир за полезный почитать; а в противном случае оной по своему переделать, к чему нам может служить сепаратный артикул онаго мира». В круг вопросов, подлежавших коллегиальному обсуждению, были вынесены и пункты, касающиеся целесообразности «возобновления трактата союзного с венским двором» и принятия предложенного Фридрихом II посредничества в установлении мира между Пруссией и Австрией, а также Англией и Францией¹.

О широком разбросе мнений по этим вопросам среди ближайших сотрудников Екатерины свидетельствуют, в частности, записки возвращенного из ссылки А.П. Бестужева-Рюмина, рассчитывавшего стать основным советником Екатерины по внешнеполитическим вопросам², канцлера М.И. Воронцова, присягнувшего новой императрице только после смерти свергнутого императора, вице-канцлера А.М. Голицына, утвердившегося на своем посту во время недолгого царствования Петра III, сенатора И.И. Неплюева, бывшего посла в Константинополе, и генерала М.Н. Волконского, будущего посла в Польше. Согласившись с вынужденной обстоятельством

Лупанова Марина Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент Рязанского военного автомобильного института.

ми необходимостью подтвердить мирный договор с Пруссией, заключенный Петром III, Бестужев, тем не менее, высказался за «ослабление короля Прусского в его силах», предложив оставить в Польше, на границе с Восточной Пруссией, 30-тысячную армию. Похожую позицию занял и Голицын³. Неплюев, напротив, указывал на то, что «содержать русскую армию в Польше буде страшно дорого и потом этим возбудится подозрение в соседних державах». Воронцов также полагал, что реальной альтернативы «сохранению мира, каков он ни есть», не было.

Широкую, почти единодушную поддержку получил, по существу, лишь один пункт, сформулированный императрицей, — о посредничестве России в скорейшем окончании Семилетней войны.

О сложности и остроте внешнеполитических проблем, которые пришлось решать Екатерине в начале ее царствования, свидетельствуют и «Конференциальные записки» о переговорах Воронцова и Голицына с послами, аккредитованными в Петербурге. В частности, в беседе от 6 июля 1762 г. австрийский посол граф Мерси д'Аржанто прямо увязал признание Венной императрицы Екатерины на престол с подтверждением ею «принятых прежде» Россией союзнических обязательств. Отвечая послу, Воронцов подчеркнул, что «Ее императорское величество по истощении народа своего от долговременной войны не изволит теперь принимать в оной участие», поскольку «посвящает все свое время на важнейшие дела до благосостояния и порядка здешней империи касающиеся»⁴.

Таким образом, намечая летом 1762 г. контуры своей внешней политики, Екатерина, считавшая, что ей «надобно по крайней мере пять лет для восстановления порядка», была вынуждена, с одной стороны, маневрировать между унаследованными ею со времен Елизаветы Петровны и Петра III придворными группировками, а с другой — «вести себя со всеми государями Европы как искусная кокетка», маскирующая с учетом сложнейших европейских конъюнктур истинные цели своей политики.

Главным принципом дипломатии начинавшегося царствования было провозглашено проведение самостоятельной, ориентированной на государственные интересы, политики во внешних делах. «Время покажет, что мы ни за кем хвостом не тащимся»⁵, — из этой резолюции Екатерины на депеше посла в Берлине князя Долгорукова от 8 (19) ноября 1763 г. вскоре выросла целостная система представлений о задачах внешней политики России, которую Н.Д. Чечулин связывал с возвращением к принципам и приемам дипломатии Петра I, А.И. Остермана и Бестужева-Рюмина⁶.

В основе этой системы, сложившейся в основных чертах у Екатерины еще в то время, когда она была великой княгиней, лежала та же идея, которая направляла дипломатию Петра I, — утверждение России на берегах Балтики и Черного моря. В 36 пункте «Собственноручных замечаний великой княгини Екатерины Алексеевны», составленных в период до марта 1761 г., будущая императрица писала: «Соединить Черное море с Каспийским, и оба — с Северным; направить торговлю Китая и Восточной Индии через Татарию — значило бы возвысить Россию на степень могущества, высшего, чем прочие государства Европы и Азии»⁷.

Из приведенного отрывка видно, что, глубоко осмыслив наследие послепетровской дипломатии, Екатерина вступила на престол со сложившимся собственным пониманием внешнеполитических задач России. Приобщившись к внешнеполитическим делам в 1754 г., когда Петр Федорович, тяготившийся своими обязанностями голштинского правителя, доверил ей управление своими наследственными владениями, а затем, оказавшись вовлеченной в сложнейшие конъюнктуры «дипломатической революции» 1756 г., Екатерина еще до восшествия на престол развила в себе те качества, которые впоследствии принесли ей заслуженную славу: широкий геополитический кругозор и удивительное умение придумывать и искусно проводить в жизнь хитроумные тактические ходы, разумно сочетать государственные и династические интересы, постигла искусство маневрирования между придворными партиями, постепенно переросшее в манипулирование ими.

Выстраивая приоритеты своей внешней политики, Екатерина исходила как из собственного опыта, так и из глубокого понимания сложных механизмов европейской политики. Обладая большим запасом здравого смысла, она стремилась выстраивать свою внешнеполитическую линию в зависимости от того, как складывался баланс сил в Европе, и в разные периоды своего царствования уделяла повышенное внимание то польским, то германским, то шведским делам. И, тем не менее, южное, черноморское направление она рассматривала как приоритетное в традиционной дипломатической «триаде» России — Швеция, Польша, Османская империя. «Сверхзадача» ее дипломатии, ее основной вектор были обращены на юго-запад: обеспечение свободы торгового мореплавания России в Черном море с последующим выходом в Средиземноморье, помощь единоверным народам Балкан и Греции оставались главными целями ее политики⁸.

Впрочем, в непростых условиях лета — осени 1762 г. о геополитических планах Екатерины можно было только догадываться. На повестке дня стояли проблемы другого рода, связанные, прежде всего, с тяжелой ситуацией в экономике и финансах России, сложившейся в конце Семилетней войны. Отсюда — предпринятые Екатериной осенью 1762 г. попытки посредничать при заключении мира между Венной и Берлином, декларация о необходимости сохранения баланса сил в Германской империи и, наконец, высказанная Екатериной в письме Фридриху II от 17 ноября 1762 г. мысль о стремлении принести пользу «Германии вообще»⁹.

Начавшаяся в 1777 г. война за баварское наследство открывала перед Екатериной II новое поле деятельности, позволяющее удовлетворить ее постоянное желание выступать в Европе в качестве арбитра. Пруссаки окрестили эту странную войну «картофельной», австрийцы «сливовой» или же «молочной»¹⁰, что говорило о бездействии солдат, занимавшихся не столько ратными делами, сколько малопродуктивным сельскохозяйственным трудом на земле страдающих от этого крестьян. Она стала поводом для ряда создающихся и распадающихся альянсов и изменения российской внешнеполитической ориентации.

Намечавшийся баварский кризис первоначально мало затрагивал Россию, которая считала его, прежде всего, делом Австрии. В 1777 г., в канун кризиса, Мария-Терезия была уже в возрасте и болела, и на ход событий влияли прежде всего устремления Иосифа II, который никогда не скрывал своего намерения завладеть Баварией и с этой целью искал поддержки у своего родственника Людовика XVI. Во время большого путешествия по Франции в апреле — мае 1777 г. граф Фалькенштейн — под таким именем Иосиф II прибыл в Версаль — предложил монарху и его министру Верженну разделить Европу на зоны французского и австрийского влияния, предложив Людовику австрийские владения в Соединенных провинциях в обмен на поддержку Францией аннексии Австрией Баварии. Графу Верженну стоило огромного труда сдерживать порывы своего собеседника, лихость которого вполне могла вызвать общий кризис, настроив против австро-французской договоренности Англию, Пруссию и даже Россию. Момент для подобной конфронтации был тем более неудачным, что Франция была занята Америкой, а расширение территориальных владений в Европе, как подчеркивал Верженн, ей было не нужно и могло бы только усложнить ее отношения с другими государствами континента.

Разочаровавшись в Людовике XVI, Иосиф II не бросил, тем не менее, партию в Баварию и добился больших успехов — с помощью силовых аргументов — в переговорах с пфальцским курфюрстом Карлом-Теодором, хоть и дальним, но законным наследником курфюрста Баварии Максимилиана-Иосифа. У Карла-Теодора были тоже свои амбиции, которые и использовал Иосиф II в период, когда баварский вопрос еще не стоял на повестке дня. Курфюрст пфальцкий, стремившийся превратить Пфальц в реальное сильное государство, завладел герцогствами Жюлье и Берг, вызвав тем самым гнев Фридриха II. В своем противостоянии враждебной Пруссии он намеревался опереться на Австрию и надеялся на ее поддержку в обмен на уступку части Баварии. После смерти баварского курфюрста 30 декабря 1777 г. Иосиф II и Карл-Теодор заключили соглашение, которое было срочно парафировано 8 января 1778 г.¹¹, согласно которому Австрия получала Нижнюю Баварию, но главное — перспективу последующих обменов территориями.

Мечта Иосифа II об «округлении» габсбургских земель путем объединения с Баварией и занятия тем самым ведущего положения в Священной Империи, казалось, была близка к осуществлению. Несмотря на предостережения Марии-Терезии, обеспокоенной тем, что она называла неосторожным поведением, Иосиф II направляет свои войска в Баварию и оккупирует ее без какого-либо значительного сопротивления. Но другие европейские государства не замедлили выразить несогласие, которое было умело использовано Фридрихом II. Версаль дал понять Иосифу II, что не поддерживает столь запоздалых территориальных завоеваний. Другой потенциальный наследник Максимилиана-Иосифа Баварского, его племянник герцог де Дефон, заявил, что не считает для себя действительным соглашение между Пфальцем и Австрией. Возмущение выразил и курфюрст Ганновера и одновременно король английский Георг III. Фридрих II посчитал момент исключительно подходящим для противодействия вторжению Иосифа II.

Верный своей привычке, Иосиф II предлагает Фридриху компромисс: получить в обмен на согласие с присоединением Баварии к империи Габсбургов маркграфства Ансбах и Байрейт. Фридрих II презрительно отвергает это предложение, не принимая юридический аргумент о том, что речь идет не об аннексии, а о реализации соглашения с пфальцским курфюрстом. 5 июля прусские войска вторгаются в Богемию. Иосиф II отказывается верить в эту войну, в которую он вступает неподготовленным и в состоянии изоляции¹².

Екатерина наблюдает за этой войной и находит обстоятельства благоприятными для выхода на сцену России.

В 1778 г. Россия формально связана с Пруссией в силу продленного на восемь лет в марте 1777 г. Договора о союзнических отношениях, который считался истекшим в 1780 году. В основе этой возобновившейся дружбы лежало урегулирование спора между Россией и Пруссией по поводу Польши. Под предлогом уточнения пограничной линии, но с твердым намерением получить контроль над Данцигом, Фридрих II был преисполнен решимости вырвать у Польши все, что еще можно было у нее забрать. А Екатерина, в свою очередь, была намерена помешать любому новому расчленению польской территории. В обмен на продление договора она получила от Фридриха II обещание умерить свои польские амбиции.

С началом войны Фридрих II обращается к России, ссылаясь на те пункты договора, в которых говорится об оказании поддержки. Екатерина не хочет втягиваться в баварский конфликт, но готова предложить свое посредничество.

Таким образом, на протяжении всего 1778 г. развивается весьма необычная ситуация. Несмотря на свои связи с Австрией и давление Марии-Антуанетты (сестры Иосифа II) на Людовика XVI, Франция отказывается поддержать Иосифа II. В России, где Н.И. Панин продолжает защищать российско-пруссский союз, Екатерина в письмах М. Гримму постоянно говорит о своих сомнениях и, умело используя тактику провокаций, отвечает отказом на неоднократные просьбы своего союзника о помощи. Она еще не готова поменять союзника, но положение в Крыму и ее отношения с Портой подсказывают ей необходимость успокоить Вену и помочь ей выйти из конфликта, в который Австрия себя загнала. В июле 1778 г., не получив поддержки со стороны Франции, Иосиф II соглашается на посредничество при условии, что в нем будет участвовать Россия.

Этой посреднической миссии предшествовал ряд контактов между Петербургом и Версалем, в результате которых наметилось двойное соглашение по поводу оттоманских дел и «картофельной войны». Потребовалось всего несколько месяцев переговоров, чтобы 13 мая 1779 г. состоялось подписание Тешенского мирного договора. В качестве основы для обсуждения Россией был принят план Франции, согласно которому Вена возвращала Пфальцу большую часть Баварии, сохраняя лишь небольшую территорию между Рейном и Дунаем, а Фридриху II были обещаны маркграфства Ансбах и Байрейт до тех пор, пока существуют царствующие династии.

Для России главным было то, что вместе с Францией она становилась совместным гарантом Тешенского мира и исполнения его положений. Особенно важно то, что она становилась также совместным гарантом и существовавшей с 1648 г., в соответствии с Вестфальским миром¹³, Организации Центральной Европы, которая до последнего времени позволяла Бурбонам играть роль арбитра в немецких делах. Это новое обстоятельство, закрепленное Тешенским договором, объясняет, почему Екатерина приняла, не колеблясь, условия мира, разработанные Версалью. Это было большим дипломатическим успехом, потому что до подписания Тешенского мира Россия оставалась на задворках европейской политики и участвовала в ней только через своего прусского союзника. С мая 1779 г. ее право участвовать в делах Священной Римской Империи подтверждается договором. Отныне Россия занимает в центре Европы место, которое раньше принадлежало Швеции.

Внеся свой вклад в восстановление мира, Екатерина могла подумать и об отношениях, которые она поддерживала с европейскими государствами, и заново оценить свои связи с ними. Пруссия, переставшая быть необходимым союзником и показавшая свою слабость, приняв посредничество России вместо получения от нее требуемой военной помощи, сразу теряла в ее глазах свое значение. Это посредничество окончательно примирило Петербург и Версаль, который одобрительно отнесся к усилиям России, направленным на принятие Фридрихом II условий мира. В своей переписке граф де Верженн подчеркивал вклад России в заключение мира, в частности, роль племянника Панина князя Репнина, представителя Екатерины на переговорах¹⁴. Удовлетворение французской стороны позволяет еще лучше оценить большой успех России. Версаль приветствует ослабление гегемонии Австрии в делах Центральной Европы, установленной Вестфальским миром.

Франция была вынуждена согласиться на занятие Россией нового места в Европе, потому что была уже не в состоянии сохранять в одиночку сложившийся порядок и даже могла бы оказаться отстраненной от управления им. Влияние и средства воздействия на немецкие дела у Людовика XVI были слабее, чем у его предшественников. Кроме того, война в Америке была серьезным фактором, заставлявшим Францию любой ценой избегать военного вмешательства в Европе. И, наконец, авторитет Екатерины, ее успешная политика в Польше и на Черном море придали ей новый вес и способствовали осуществлению ее намерений во время баварского кризиса.

Сознавая свое обретенное могущество, Екатерина II решила не только занять новых союзников, но и приступить к изменению ориентации всей своей внешней политики. В баварском конфликте она уже вынашивала планы отказа России от предпочтительного альянса с Пруссией и потому могла свободнее не отвечать на призывы Фридриха II о помощи, а, сохраняя дистанцию в отношениях с ним, получала возможность лучше навязывать ему свою волю. Екатерина II в полную силу ощутила эту свою новую уверенность. В момент Тешенского мира она призналась в этом в своем письме М. Гримму, в котором называла себя «Госпожой посредницей» в миротворческих делах. Такого рода балансирование между Берлином и Веной вскоре склонит ее в пользу союза с Австрией.

Со своей стороны, делая выводы из кризиса, Иосиф II был вынужден признать необходимость союза с Россией, по отношению к которой он оказался в большом долгу, поскольку Екатерина не поддержала Пруссию, и Фридрих II оказался не в состоянии выступить в качестве защитника германских свобод. На эту роль могли претендовать Версаль и Петербург, причем Россия даже в большей степени. Франция не только не ответила на австрийские чаяния, но даже воспользовалась войной, чтобы достичь иного равновесия в своей позиции между Веной и Берлином. В этих условиях Иосиф II, все больше освобождавшийся от опеки Марии-Терезии, которой оставалось всего несколько месяцев жизни, не мог не обратиться к Екатерине. Им было о чем поговорить, обсудить общие интересы, в первую очередь в Оттоманской империи, в которой, получив отныне свободу действий, российская императрица-победительница имела все возможности положить конец притязаниям Габсбургов.

С самого начала своего царствования Екатерина твердо взяла в свои руки руководство внешней политикой и не выпускала его до конца своих дней. Е.В. Тарле полагал, что Екатерине удавалось все, что она предпринимала, и удавалось не только потому, что она была первоклассным дипломатом, и не только потому, что у нее были А.В. Суворов, П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, но и потому, что она задолго до Талейрана и Бисмарка поняла, что дипломатия — это искусство отличать возможное и исполнимое от невозможного и фантастического¹⁵.

В качестве главной черты екатерининской внешней политики следует выделить соответствие внешнеполитического курса, проводившегося императрицей, долгосрочным государственным интересам России, прагматизм, гибкость, умение пользоваться обстоятельствами.

XVIII столетие в истории внешней политики России ознаменовано быстрым ростом ее международного влияния, усилением роли в европейских делах. Международная обстановка 1774—1778 гг. благоприятствовала усилению позиций России в Европе. В результате успехов русской дипломатии на Тешенском конгрессе в 1778—1779 гг. Россия приобрела совершенно новое высокое положение на международной арене. Успех сопутствовал Екатерине в обеих сферах внешнеполитической деятельности — военной и дипломатической. Если на военном поприще славу России приносили талантливые полководцы и флотоводцы, то в сфере дипломатической первенствующая роль принадлежала лично Екатерине.

Примечания

1. Архив Внешней Политики Российской Империи (АВПРИ), ф. «Секретные мнения», оп. 5/1, д. 593, л. 13—13 об.
2. Там же, л. 14—20.
3. СОЛОВЬЕВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. М. 1965, с. 156—159, 160, 152.
4. АВПРИ, ф. «Внутренние коллежские дела», оп. 2/6, д. 846, л. 6 об., 7 об.
5. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (Сб. РИО). Т. 51. СПб. 1886, с. 124.
6. ЧЕЧУЛИН Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб. 1896, с. 42.
7. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве МИД. Т. 1. СПб. 1871, с. 99.
8. СТЕГНИЙ П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М. 2002, с. 87.
9. Сб. РИО. Т. 20. СПб. 1877, с. 154.
10. НЕРСЕСОВ Г.А. Политика России на Тешенском конгрессе (1778—1779). М. 1988, с. 65.
11. КАРРЕР д'АНКОСС Э. Екатерина II. Золотой век в истории России. М. 2006, с. 269.
12. Там же.
13. Так называются два договора, положившие в 1648 г. конец 30-летней войне и послужившие основой для Организации Центральной Европы, просуществовавшей вплоть до Французской революции и наполеоновских войн.
14. Депеша Верженна Корберону, 13 июня 1779 г. МИД Франции. Политическая переписка. Россия. 1779. Т. 102, л. 414.
15. ТАРЛЕ Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. Ч. 1—2. М. 1945, с. 42.